

УСЛОВИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПО ПРОБЛЕМАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
1930-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.

© 2013

Г.М. Ипполитов, доктор исторических наук, профессор кафедры
«Отечественной истории и археологии»*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)**В.Я. Ефремов*, доктор исторических наук, профессор кафедры
«Социально-гуманитарных дисциплин»*Вольский филиал Военной академии материального обеспечения Вооруженных сил РФ, Вольск (Россия)*

Аннотация: в статье в конспективной форме намечены контуры основных условий, в которых развивалось исследование Гражданской войны в России в период культа личности И.В. Сталина (вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг.).

Ключевые слова: историография, советская историческая наука; Гражданская война в России; сталинская теоретико-методологическая парадигма; догматизм; источниковая база; «Краткий курс истории ВКП (б)».

Аксиоматично, что историография всегда зависит от экономической, социально-политической и духовной обстановки, в которой творят субъекты процесса познания исторической истины – ученые-историки. В данном контексте подчеркнем, что условия выполнения советских исторических исследований по проблемам Гражданской войны в России во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х гг. были сложными и противоречивыми. Подобное положение детерминировалось, в первую очередь, тем, что в хронологических рамках, означенных выше, в СССР господствовал культ личности И.В. Сталина, установившего, в конечном итоге, в нашей стране тоталитарный политический режим. Это было время, когда советская историческая наука, в целом, и историография Гражданской войны в России, в частности, развивались в условиях жесткой монополии сталинской теоретико-методологической парадигмы. По-другому и быть не могло, поскольку советские историки стали заложниками данной парадигмы, рожденной историческими реалиями прогрессирующего культа личности И.В. Сталина. И «попытка к бегству» каралась с исключительной жестокостью, вплоть до смертной казни ослушников, посмеявших «нырнуть под флажки» (в кавычки взята речевая конструкция В.С. Высоцкого. – *Г.И., В.Я.*)

Теоретическая и методологическая база исторических исследований заостенела в рамках догматизированного марксизма, преломленного сталинскими идеологами в политических интересах тоталитарного режима. При этом заслуживает отдельной констатации следующее обстоятельство: марксизм-ленинизм, в большевистском его измерении, стал, по емкому определению Б. Рассела, данного ученым еще в 1920 г., не просто политической доктриной, но еще и религией со «своими догмами и священным писанием» [1, с.7]. В исторической науке на долгое время в теории исторического познания занял ведущее место догматизм. А его главную характерную черту ранее четко определил великий Гегель — односторонне рассудочное мышление, когда «исключаются противоположные определения» [2, с.70]. Догматизм выступал в тесной связи с конъюнктурщиной, которая в отличие от него, может быть не заостенелой, а постоянно видоизменяется, реагируя на политический ангажемент. В конечном итоге, И.В. Сталин, сделав марксизм-ленинизм государственным мировоззрением, оградив его от критики, создал все условия, чтобы тот, вместо утверждения себя в качестве одного из путей исторического познания, окончательно заостенел.

Необходимо подчеркнуть, что особый отрезок в истории советской исторической науки занимает период Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков (июнь 1941 – май 1945 гг.). Она выдвинула перед историками новые задачи. Первостепенное значение приобрела историче-

ская тематика, связанная с воспитанием патриотизма, укреплением единства армии и народа [3]. Произошел взлет исторического самосознания нации, и идеологически была востребована национальная история с культом героических личностей прошлого, прежде всего военачальников. Однако, хотя и в несколько смягченных формах, но влияние культа личности Сталина на историческую науку по-прежнему имело место. За время Великой Отечественной войны на заседаниях Оргбюро ЦК ВКП (б) было рассмотрено около 40, а на заседаниях секретариата ЦК — более 50 вопросов, связанных с идеологической деятельностью правящей Коммунистической партии [4, с.234]. И здесь обязательно затрагивались проблемы исторической науки. Это будет иметь далеко идущие последствия для дальнейшего развития советской науки истории, в том числе и в сфере изучения проблем Гражданской войны.

После окончания Великой Отечественной войны и в первой половине 1950-х гг. идеологический фон становился снова весьма неблагоприятным, ибо национальные мотивы, появившиеся в период войны, начали выливаться в шовинистические формы. Так, борьба с космополитизмом создавала неблагоприятные условия для развития гуманитарных наук, в том числе истории.

Анализ показывает, что пленение советской исторической науки сталинской теоретико-методологической парадигмой началось с сильнейшего удара по отнесенной творческой свободе историков, имевшей место в первой половине 1920-х годов, которая быстро затухала. Этот удар нанес выход в свет первого тома «Истории Гражданской войны». Работа по его подготовке шла быстрыми темпами [5, с.119-129], что само по себе уже свидетельствует об обеспокоенности ЦК ВКП (б) отсутствием труда, где бы наличествовали априорные оценки и суждения по истории Гражданской войны. Тем самым был бы положен конец вольномыслию в трактовке ключевых, наиболее острых и дискуссионных вопросов злободневной проблемы недавнего прошлого. В научной периодике начинают появляться материалы о том, как писать планируемую к изданию «Историю Гражданской войны» [6, с.8-19]. А уже в 1932 г. публикуется план издания, утвержденный главной редакцией [7]. Теперь в научной периодике появляются публикации о ходе работы над фундаментальным научным трудом, планируемым к изданию [8, с.124-126; 9, с.146-147; 10, с.137-140].

О значимости, которую придавали идеологи правящей Коммунистической партии подготовке «Истории Гражданской войны», говорит тот факт, что лично И.В. Сталин вошел в состав редакционной коллегии и оказывал самое непосредственное влияние на подготовку упомянутого издания. Он прекрасно осознавал, что планируемый труд будет нести огромную идеологическую нагрузку в интересах формирующегося тоталитарного политического режима (не случайно, к подготовке дан-

ного труда были привлечены лучшие ученые-историки и литераторы во главе с А.М. Горьким). Как явствует из письма историку И.И. Минцу и Я.Б. Гамарнику от 19 августа 1935 г., И.В. Сталин говорил, что мы пишем историю не столько для себя, сколько для мирового пролетариата. Нужно объяснить рабочим и трудящимся, «почему в Европе не получилось, а у большевиков получилось и морда не в крови» [11, с. 67].

Грандиозный замысел, благословленный лично И.В. Сталиным, материализовался в пятитомнике. Первый том, вышедший в 1935 г., в который Сталин лично внес более 700 исправлений [11] (как по тексту, так и по оформлению), представлял собой красочно оформленный памфлет. Более половины иллюстраций книги — политические карикатуры на контрреволюционеров всех оттенков, поскольку замалчивались и извращались факты в угоду политической конъюнктуры. Последующие тома, издававшиеся в другой обстановке, были более корректными, но до предела идеологизированными [12].

И, наконец, последний победный удар по остаткам относительной творческой свободы историков нанес выход в свет в 1938 г. сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)» [13]. Созданный, как указывалось на титульном листе, под редакцией комиссии ЦК ВКП (б) и одобренный ЦК ВКП (б) он на долгие годы стал единственным пособием для изучающих историю большевистской партии как в СССР, так и за рубежом. И если вести речь об изучении Гражданской войны, то, судя по текстологическому анализу «Краткого курса истории ВКП (б)», для историков были сформулированы априорные, общие своего рода, кроки исследовательского маршрута:

1. В 1918 г. прошел процесс формирования внутренней контрреволюции. Причем в ее рядах выделялись:

1.1. Свергнутые классы (помещики и капиталисты).

1.2. Разгромленные контрреволюционные партии (кадеты, меньшевики, эсеры, анархисты, «всякого рода буржуазные националисты»);

1.3. Белогвардейские генералы.

1.4. Казачье офицерство.

2. Без поддержки мирового империализма внутренняя контрреволюция не продержалась бы так долго по ходу Гражданской войны, ее бы сразу раздавила диктатура пролетариата.

3. Контрреволюция имела социальную опору в лице кулачества и значительной части среднего крестьянства.

4. Партия большевиков сплотила вокруг себя трудящиеся массы для «отечественной войны», чтобы отразить нашествие «войск интервентов. «Отечественной войной» классифицировалась и борьба против «мятежей свергнутых революцией эксплуататорских классов».

5. Одна из стратегических задач, решаемая партией большевиков в Гражданской войне — достижение «окончательного торжества коммунистической партии в Советской стране». Следовательно, в результате победы партии большевиков в Гражданской войне должны были погибнуть те партии, которые выражали интересы свергнутых эксплуататорских классов [13, с. 216-237].

Все это привело к тому, что история изучения проблемы Гражданской войны развивалась под воздействием ряда существенных факторов негативного характера:

– жесткая регламентация научной жизни, нетерпимость к инакомыслию, давление на историков, вплоть до их физического устранения;

– противоречивое, со многими деформациями, развитие источниковой базы;

– непомерное восхваление И.В. Сталина как обязательная атрибутика научных работ;

– неизгладимый отпечаток эскалации беззакония, принимавшего все более грандиозные масштабы во всех сферах жизни;

– изменение в терминологическом аппарате исторической науки, связанное с внедрением в нее формулировок и стандартов, заимствованных из политической

борьбы 1920 – 1930 гг.

Жесткая регламентация научной жизни, нетерпимость к инакомыслию, давление на историков, вплоть до их физического устранения. По количеству постановлений и мер, принятых и предпринятых ЦК и СНК в области истории, первая половина 30-х г. минувшего века не имеет себе равных [14]. Изучаемый период ознаменовался судебными процессами над крупнейшими историками, причем жестокие репрессии затронули не только специалистов старой школы (в 1938 г. были необоснованно репрессированы А. Свечин и А.Верховский), но и историков «школы Покровского» [15, с. 34-48]. Последние активно участвовали в разгроме и травле старой профессуры, а затем сами оказались в числе репрессированных. Кроме того, в академических журналах публиковались статьи директивного плана, в которых советским историкам выдавались рекомендации (а вернее указания), что и как писать [16, с.3-9; 17, с.3-16.]

Противоречивое, со многими деформациями, развитие источниковой базы. Казалось, что следовало ввести в научный оборот больше число документов. Однако вместо увеличения фактического материала иногда происходило его сокращение. В научный оборот не только не вводились новые документы и факты, но и замалчивались многие из тех, которые широко распространялись в исторической литературе. Огромное количество документов, идущих вразрез со сталинскими идеологическими установками, засекречивалось. И в первое послевоенное десятилетие положение с источниковой базой исследования истории Гражданской войны России оставалась крайне сложным. Тенденция к засекречиванию огромного пласта документов прогрессировала на фоне кампаний по повышению политической бдительности, «шпиономании», борьбы с «тлетворным влиянием Запада» и прочих мифологем периода культа личности Сталина.

Непомерное восхваление И.В. Сталина как обязательная атрибутика научных работ. Тон здесь задавало высшее партийно-политическое звено руководства страны [18]. Так, К.Е. Ворошилов писал: «Нужно быть Сталиным и обладать его крупнейшими организаторскими способностями, чтобы, не имея никакой военной подготовки (товарищ Сталин никогда не служил на военной службе), так хорошо понимать специальные вопросы в тогдашней трудной обстановке» [19, с. 10]. Сыграли здесь свою роль и академические журналы. Так, журнал «Вопросы истории» (1949. №12) был целиком посвящен изображению роли И.В. Сталина не только как «великого вождя и учителя» [20, с.3-10], но и как теоретика марксизма [21, с.16-24], ученого-историка [22, 86-94]. Все это приурочивалось к 70-летию со дня рождения И.В. Сталина. Разумеется, и в периодике освещаемая тенденция расцвела пышным цветом [23, 24, 25, 26].

Неизгладимый отпечаток эскалации беззакония, принимавшего все более грандиозные масштабы во всех сферах жизни. Данная устойчивая тенденция находила всемерное оправдание в литературе, что особенно ярко прослеживается в военной периодике. Со второй половины 1930-х гг. в ней все чаще появляется информация, подобная следующей: работники Политуправления РККА, собравшись по поводу вынесения смертных приговоров в июне 1937 г. М.Н. Тухачевскому и др., попутно заклеили позором Я. Гамарника. Пока СССР находится в капиталистическом окружении, «каждый красноармеец, каждый политработник должен быть передовым разведчиком нашей социалистической Родины. Мы обязуемся стать активными добровольцами НКВД по разоблачению врагов народа» [27]. Клеили позором «врагов народа» и на открытом партийном собрании Института красной профессуры (май 1937 г.) [28, с.4-16].

Изменение в терминологическом аппарате исторической науки, связанные с внедрением в нее формулировок и стандартов, заимствованных из политической

борьбы 1920 – 1930 гг. Речь идет о том, что историки осмысливали политические события в маркированных, эмоционально окрашенных терминах. И подобное положение стало эффективным средством манипуляции, взятым на вооружение сталинской диктатурой [29]. Тем самым, еще более усилилось политическое давление на советскую историческую науку. Она окончательно занимает положение ведомой в паре политика — наука [30, с.312-324].

Все это, в конечном итоге, способствовало тому, что историографическая работа советских историков в 1930-е – 1940-е гг. не получила должного развития. Относительно же рассматриваемой темы приходится констатировать, что она практически не нашла историографической разработки — не издали в данной связи ни одной, хотя бы обобщающей статьи историографического плана. Между тем, неправильно было бы полагать, что в рамках этапа безраздельного господства в советской исторической науке сталинской теоретико-методологической парадигмы вовсе не имелось благоприятных факторов для создания исторических исследований. Они имелись.

Во-первых, чтобы придать методологическую стройность работам в системе координат, существовавших тогда в советской исторической науке подходов по проблемам Гражданской войны, большая роль отводилась следующим обстоятельствам:

— в 1941 г. издан двухтомник военных произведений Ф. Энгельса [31];

— в 1946 г. завершается издание 28-томного первого собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса;

— в 1941 – 1950 г. было выпущено четвертое издание сочинений В.И. Ленина в 35 томах, содержащее около 3000 ленинских произведений. Причем данное собрание сочинений переводилось на национальные языки во всех союзных республиках;

— в 1941 – 1945 гг. Институт Маркса — Энгельса — Ленина издал XXXIV – XXXV Ленинские сборники, в которых опубликованы документы В.И. Ленина, относящиеся к периоду Гражданской войны;

— особенно следует отметить издание в 1943 г. «Военной переписки В.И. Ленина [32] (правда, в данное рассуждение необходимо внести поправку по поводу того, что все более набиравший силу культ личности Сталина отодвигал на второй план методологическую значимость ленинских произведений). И если сегодня нет смысла говорить о методологической ценности материалов Ленинских сборников, то в их источниковедческом значении сомневаться не стоит. И вообще: размах издательской деятельности в данной связи впечатляет. Утвержденный на 1941 – 1945 гг. план издательской работы предполагал, в частности, выпуск новых томов 4 издания собрания сочинений В.И.Ленина, его военной переписки в 1917– 1920 гг., сборников и отдельных произведений. Всего же за годы Великой Отечественной войны опубликовалось более 500 трудов К.Маркса и Ф.Энгельса, В.И.Ленина общим тиражом около 17 млн. экземпляров [33, С. 46-47].

Во-вторых, улучшился качественный состав кадров военных историков, которые занимались и проблематикой Гражданской войны. Только в 1938 – 1939 гг. защищены 459 докторских и кандидатских диссертаций. К началу 1940 – 1941 учебного года 40% преподавателей военных академий имели ученую степень и (или) ученое звание [34, с.18-19].

В-третьих, выпущены сборники документов, что свидетельствует об определенном количественном приращении источниковой базы. В них вошли достаточно разнообразные, но крайне односторонне трактуемые документы, что отразилось в пространных комментариях [35, с.5-14; 36, с.5-16; 37, с.3-10; 38, с.3-11; 39, с.3-5]. Особенно много вводилось в оборот документов, имеющих отношение к обороне Царицына, так как в ней принимал непосредственное участие И.В. Сталин [40,

41, 42.] Правда, были исключения из правил. Так в 1941 г. была опубликована подборка документов деникинского отдела пропаганды [43, С. 26-28]. Издавались и воспоминания [44, 45, 46]. Между тем, подготовка данных сборников велась более квалифицированно, чем в первое десятилетие советской власти. Они стали в большей степени отвечать тематической направленности и выигрывать в археографическом аспекте. Причем ряд сборников документов, упомянутых выше, появился в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) [47, 48]. Был издан также сборник, подборка документов, которая имела стратегическую цель — всемерную популяризацию героического прошлого нашей Родины [49]. Такие публикации имели, кроме академического, еще и воспитательное значение, так как служили делу патриотического воспитания советских людей, вступивших в великую битву с германским фашизмом. В военные годы ученые часто подчеркивали значение истории в освободительной борьбе. «Память о прошлом — это всегда оружие народа» [50, с. 52], — говорила М.В. Нечкина в выступлении по Всесоюзному радио.

Таким образом, культ личности И.В. Сталина стал прокрустовым ложем для советской исторической науки. Профессия историка стала даже опасной для жизни. И если сравнивать научные результаты молодой советской исторической науки, полученные в 1920-е годы [51, 52, с.226-350], с периодом, исследованным в данной статье, то сравнение будет, вне всякого сомнения, в пользу 20-х годов XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991.
2. Гегель. Соч. М.; Л., 1929. Т.1.
3. Городецкий Е.Н. Отечественная война против германских оккупантов в 1918 году на Украине. М.: Госполитиздат, 1941. 19с.
4. История КПСС. Т.5. Кн.1. М.: Политиздат, 1970.
5. Говорков А.А. К вопросу об участии М.Н. Покровского в работе над «Историей Гражданской войны в СССР» // Вопросы истории Сибири. Томск: Томский ун-т, 1972.
6. Кин Д. Об истории Гражданской войны [Задачи издания] // Зап. Коммунистической академии. Секция по изучению проблем войны. 1931. Т.4.
7. История гражданской войны. План издания, утвержденный Главной редакцией. М.: ОГИЗ, 1932. 128 с.
8. Грен Г. История Гражданской войны. [Значение и задачи издания] // Книга и пролетарская революция. 1932. № 4-5.
9. Г.Р. О работе местных комиссий содействия «Истории Гражданской войны» // Историк-марксист. 1933. Т.4.
10. Работа над «Историей Гражданской войны» // Историк-марксист. 1934, Т.3.
11. Источник. 1996. №2.
12. История Гражданской войны в СССР: В 5т. М., 1935 – 1960. Т.1. Подготовка великой пролетарской революции. (От начала войны до начала октября 1917 г.) / Под ред.: М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. М.: ОГИЗ (Гос. изд-во «История гражданской войны»), 1935 – 350с. Т. 2. Великая пролетарская революция (Октябрь — ноябрь 1917 года) / Под ред.: М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, И.Сталина. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1943 – 656с. Т.3. Упрочение советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны. (Ноябрь 1917 г. — март 1919 г.) / Ред. комиссия тома: Найда С. Ф., Обичкин Г. Д., Петров Ю. П., Стручков А. А., Шатагин Н. И. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1958 – 678 с. Т.4. Решающие победы Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции. (март 1919 г. — февраль 1920 г.) / Ред. ко-

- миссия тома: Найда С. Ф., Обичкин Г. Д., Петров Ю. П., Стручков А. А., Шатагин Н. И., Шишкин С. Н. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1959 – 444 с. Т.5. Конец иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции. (Февраль 1920 г. — октябрь 1922 г.) / Ред. комиссия тома: Будённый С. М., Найда С. Ф., Обичкин Г. Д., Софинов Н. Г., Стручков А. А., Шатагин Н. И. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1960 – 420с.
13. История Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП (б) 1938 год. М., 1938. 351с.
14. О преподавании Гражданской истории в школах СССР: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) // Правда. 1934. 16 мая.
15. Артизов А.Н. Судьбы историков школы Покровского // Воен.-ист. журн. 1997. № 7.
16. Основные задачи историков советского общества // Вопросы истории. 1949. №8.
17. О задачах изучения истории сталинской внешней политики Советского Союза // Вопросы истории. 1950. №4.
18. Берия Л.П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на Тифлисском партактиве 21-22 июля 1935 г. М. ОГИЗ: 1936 – 21с.
19. Ворошилов К. Е. Царицын // Героическая оборона Царицына. М., 1938.
20. Товарищу Сталину — великому вождю и учителю, продолжателю бессмертного дела Ленина // Вопросы истории. 1949. №12.
21. Каммари М. Создание и развитие И. В. Сталиным марксистской теории нации // Вопросы истории. 1949. №12.
22. Сидоров А. И. Сталин и советская историческая наука // Вопросы истории. 1949. №12.
23. Спириин Г. Сталин и большевистские комиссары в годы Гражданской войны // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. №23. дек. С. 17-24.
24. Базанов М. Борьба товарища Сталина за ленинское единство партии // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. №23. дек. С.25-32.
25. Балмагия А. К 15-летию работы товарища Сталина // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 23. дек. С.33-38.
26. Белов П. Товарищ Сталин о военной мощи социалистического государства // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 23. дек. С.11-16.
27. Красная звезда. - 1937. - 14 июня.
28. 1937 год. Институт красной профессуры (стенограмма партийного собрания) // Отечеств. история. 1992. № 2.
29. Фельдман Д.М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурологическом контексте. М., 2006 – 250с.
30. Волобуев О. История по сталински / О. Волобуев, С. Кулешов // Суровая драма народа. М.: Политиздат, 1989.
31. Энгельс Ф. Избр. военные произв.: В 2т. М.: Воениздат, 1941. Т.1 – 200с; Т.2 – 220с.
32. Ленин В.И. Военная переписка. М.: Воениздат, 1943. 276с.
33. Партийное строительство. 1945. № 7/8.
34. Шлыков А.Ф. Деятельность Коммунистической партии по подготовке и воспитанию военно-педагогических кадров в период мирного социалистического строительства. 1921 – июнь 1941 гг.: автореф. дис...канд. ист. наук. М., 1979.
35. К деятельности Г.К. Орджоникидзе в годы Гражданской войны. Из документов Центрального архива Октябрьской революции и Центрального архива Красной армии // Красный архив. 1936. Т. 5 (78).
36. Борьба за Советский Дон. Сб. к 20-летию освобождения Ростова на Дону о белых. Ростов н/Д.: ОГИЗ, 1939.
37. Документы по истории Гражданской войны в СССР/ Под ред. И. Минца. Т.1. М.: Политиздат, 1941.
38. Южный фронт (против Врангеля) 27 сентября – 10 декабря 1920 г. Организация, состав и боевые действия: Обзор, составленный по документам Центрального архива РККА фонда № 101 / Сост. Д. Ознобишин. Ред. И. Коротков. М.: Воениздат, 1940.
39. Листовки Гражданской войны в СССР 1918-1922. М.: Воениздат, 1942.
40. Документы о героической обороне Царицына. М.: ОГИЗ, 1942 – 224с.
41. Героическая борьба за Царицын. М.: ОГИЗ 1938. – 160с.
42. Сталин в Царицыне. Сб. док. Сталинград: Обл. книгиз-во, 1940 – 85с.
43. Из донесений Отдела пропаганды // Ист. записки. 12. Изд. АН СССР. 1941.
44. Ворошилов К.Е. Воспоминания о взятии Ростова. Ростов Н/Д: Роиздат, 1940 – 16с.
45. Женщина в гражданской войне. Эпизоды борьбы на Северном Кавказе в 1917 – 1920 годах: (в очерках и воспоминаниях участников). М.: ОГИЗ, 1937 86с.
46. В боях за Ростов. Воспоминания Ростов– н/Д: Росиздат, 1939 – 90с.
47. Германские оккупанты в Грузии в 1918 г. Сб. док. и мат-лов, составленный и подготовленный к печати М. М. Габричидзе. Тбилиси: Госиздат Груз. ССР. Сектор политической литературы, 1942. – 168с.
48. Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году. М.: Госиздат политической литературы 1942 – 238с.
49. Из боевого прошлого русской армии: документы о доблести и героизме русских солдат и офицеров. М.: Воениздат, 1944 – 203с.
50. Россия в 1941 – 1945 гг.: проблемы истории и историографии. Межвуз. сб. науч. ст. Самара, 1995 – 140с.
51. Шерман И. Л. Советская историография Гражданской войны в СССР (1920 – 1931). Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1964 – 340 с.
52. Ипполитов Г. Летопись братоубийства. Очерки советской историографии Гражданской войны на Юге России. Второе изд., испр. и доп. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

PERFORMANCE CONDITIONS OF SOVIET HISTORICAL RESEARCH ON THE CIVIL WAR IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF 1930 - THE FIRST HALF OF THE 1950S

© 2013

G.M. Ippolitov, doctor of historical sciences, professor of the department of «Russian history and archeology»
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

V.Y. Efremov, doctor of historical sciences, professor of the department of «Social disciplines and humanities»
Volsky branch of the Military Academy of material support Armed Forces, Volsk (Russia)

Annotation: The article outlines the social background of the study of the Civil War in Russia in the period of the I.V. Stalin personality cult (2nd half of 1930 – 1st half of the 1950s)

Keywords: historiography, Soviet historiography, Russian Civil War, Stalin's theoretical and methodological paradigm; dogmatism; source base, «History of the CPSU (b)».